

Тарковский Андрей Ар

18/11/89

Андрея Тарковского отпевали 6 января 1987 года в русской православной церкви — соборе Александра Невского на маленькой улочке Дарю в самом центре Парижа. На панихиду собрались сотни людей со всей Западной Европы — режиссеры, актеры, продюсеры, писатели, государственные и политические деятели. Пришло немало русских эмигрантов, живущих в Париже. Из Москвы приехала только сестра Тарковского Марина с мужем. Ни его друзей, ни лиц официальных из Советского Союза на траурной церемонии не оказалось. Нашу державу представлял советник посольства по культуре Виктор Савочин и от «Совэкспортфильма» — Игорь Бортников.

После отпевания Мстислав Ростропович на ступенях собора играл Баха — любимого композитора Тарковского. Потом похоронная процессия на автобусах отправилась в городок Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, где находится знаменитое русское кладбище.

С тех пор миновало три года. Все фильмы Тарковского идут сегодня на родине и, как прежде, за ее пределами. В СССР создано общество и учреждена премия Андрея Тарковского, готовятся публикации материалов Чтения Тарковского, книга научных статей. Вышел первый сборник воспоминаний, подготовленный М. Тарковской.

Что и говорить, посмертная реабилитация — дело для нас привычное. По заведенной испокон веков традиции, пророки в нашем отечестве становятся преимущественно мертвые. Они сразу превращаются в классиков, «властителей дум», ну а до живых вроде и дела нет.

Но снова и снова задаем мы себе вопрос: как случилось, что гениальный режиссер долгие годы оставался у себя на родине без работы, был вынужден снимать фильмы на Западе, а потом, доведенный до отчаяния, отказался от советского гражданства?

...Не без труда читаю я листки дневника, которые мне показывает вдова режиссера Лариса Тарковская. Ее квартира в тринадцатом округе Парижа напоминает московскую. Здесь она хранит его архивы, письма, книги, призы тех фестивалей, в которых ему все-таки было дозволено участвовать. На стенах фотографии мужа и сына, тоже Андрея, — красивого юноши, похожего на отца. Ему посвящена последняя картина режиссера — «Жертвоприношение».

— После того как «Сталкер», который

пришлось переснимать из-за испорченной при проявлении пленки, все-таки вышел на экраны, ему не дали высшей категории и показывали главным образом на задворках, — рассказывает Лариса Тарковская. — Андрей познакомился в Москве с поэтом, писателем и сценаристом Тонино Гуэрра, работавшим с Висконти, Феллини, Антониони, Рози, братьями Тавиани. Тот предложил Андрею снять фильм об Италии, посмотреть на эту страну глазами русского интеллигента. Вместе они написали сценарий, и Андрей начал вести переговоры с Госкино, которые продолжались три года.

Ф. Т. Ермашу, который в те годы руководил Госкино, очень не хотелось, чтобы Тарковский ехал в Италию. До этого режиссер неоднократно подавал заявки на постановку «Идиота», но неизменно получал отказ. Однако когда возник вопрос о «Ностальгии», в Госкино сразу вспомнили о его желании снять «Идиота» и предложили начать работу. Но Тарковский уже не поверил Ермашу, а сидеть без работы он больше не мог.

Еыл и другой вариант. Ермаш предложил поставить фильм о Ленине. Тарковский согласился, заявив, что личность Владимира Ильича его очень интересует, — но при условии, что будет сниматься картину так, как считает нужным, а это по тем временам было неосуществимо.

— В марте 1981 года, — продолжает Л. Тарковская, — наконец, был подписан контракт с итальянцами о съемках «Ностальгии». По условиям контракта я должна была участвовать в съемках в качестве второго режиссера. Мы, конечно, собирались взять с собой и нашего десятилетнего сына, так как не могли оставлять его одного на два года, и по существовавшим законам имели на это право. Но получили отказ. Тогда Андрей уехал один, а я осталась в надежде, что мне все-таки удастся забрать и сына. Потом в течение 7 месяцев шло вторичное мое оформление, несмотря на то, что мои документы на выезд были готовы вместе с документами мужа и уже был подписан контракт. Тогда Андрей позвонил в Москву и сказал, что если я не приеду, то он откажется снимать картину и в таком случае советской стороне придется платить неустойку и вернуть уже полученную большую сумму в валюте. Как всегда, валюты у нас не было, и поэтому решили меня отпустить, чтобы не было еще одного скандала. Ну а с сыном... Куда я только не ходила, куда я только не писала! В общем, его мне не разрешили

взять с собой. Маленького мальчика оставляли в Советском Союзе в качестве заложника!

«НОСТАЛЬГИЯ» — первый фильм, сделанный Тарковским вне родины, — получила три приза на Каннском фестивале. «Это произошло, — говорит Л. Тарковская, — несмотря на все усилия советского члена жюри, который, видимо, выполняя наказ начальства, бился «как лев», по словам Андрея, против присуждения «Гран при» нашей картине».

«Я хотел рассказать о русской ностальгии, — писал впоследствии режиссер, — том особом и специфическом состоянии души, которое возникает у нас, русских, вдали от родины. Я хотел рассказать о роковой привязанности русских к своим национальным корням, к своему прошлому, своей культуре, к родным местам, близким и друзьям — о привязанности, которую они несут с собою всю свою жизнь, независимо от того, куда их закидывает судьба... Мог ли я предполагать, снимая «Ностальгию», что состояние удручающе безысходной тоски, заполняющее экранное пространство этого фильма, станет уделом дальнейшей моей жизни? Мог ли я подумать, что отныне и до конца дней моих я буду нести в себе эту тяжелую болезнь?»

Путь на Голгофу только начинался. Олег Янковский, исполнивший главную роль в «Ностальгии», передал Ф. Т. Ермашу письмо Тарковского.

«Все свои силы, все свое умение, все свои способности я отдавал советскому киноискусству, — писал режиссер, — по мере своих возможностей, я всегда старался увеличить его славу и влияние повсеместно... Именно по совести я всегда готов служить и никогда — прислуживаться. Я не холуй, я советский художник и гражданин».

Он писал, что устал от травли, от злобы, от нищеты, от систематической безработицы. Он писал, что хотел бы поехать в Лондоне «Бориса Годунова» и снять фильм «Гамлет», и просил предоставить его семье советские паспорта с правом проживания в Италии сроком на три года.

Тарковский на протяжении всей жизни ощущал на себе враждебность власть предержащих. За 20 с лишним лет работы в родных стенах его не удостоили ни одной премии, ни одной награды, не пригласили участвовать ни в одном советском фестивале. Когда после «Сталкера» он лежал в Москве с инфарктом,

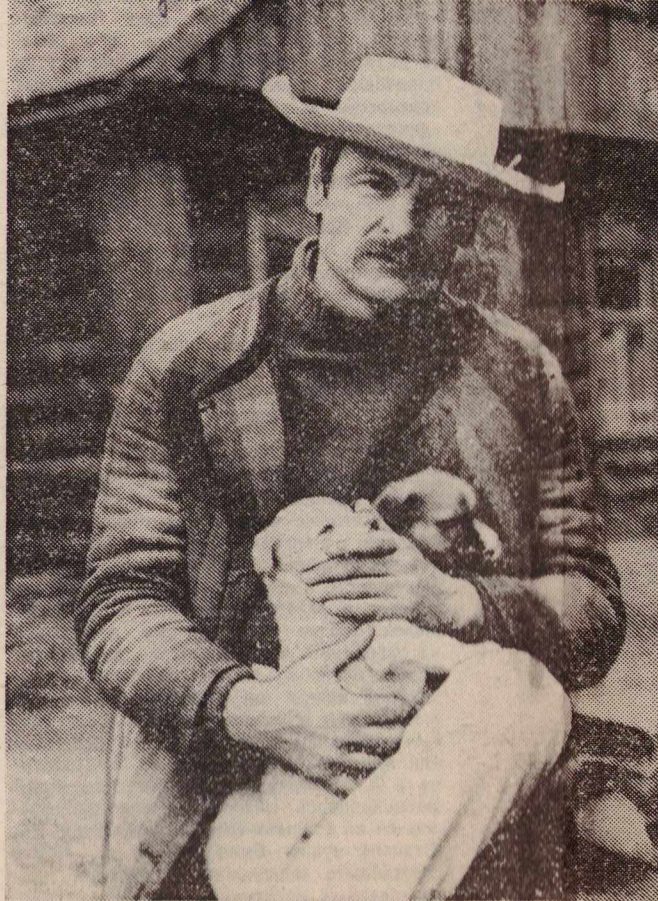
единственным, кто навещал его с киностудии, был какой-то деятель, который явился, чтобы выяснить, не симулирует ли Тарковский. И если бы не поддержка академика Владимира Бураковского, трудно сказать, чем бы кончилась его болезнь. Когда дело наконец пошло на поправку, он попросил Союз кинематографистов выделить ему безвозмездно 250 рублей, чтобы приобрести путевку в санаторий. Ну и тут кто-то из чиновников, ведавших «благами», начертал резолюцию на заявлении: «Отказать!»

Каким только унижениям не подвергали

Был на исходе 1986 год. Из Парижа пришла печальная весть о кончине Андрея Тарковского. Но тогда с ним проститься смогли немногие.

РОКОВАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ

Неделя - 1989. - 12-24 дек. (№51). - С. 8-9.

ли Тарковского! Все шло в ход: и мелкие улоуы, и присуждение всем фильмам, кроме «Соляриса», 2-й категории, и уничижительная критика в послушной прессе, и особый циркуляр, в котором содержалось указание «сверху» об ограничении его фильмов в прокате. Вопреки традиции, в день 50-летнего юбилея никто не поздравил Тарковского — ведь он работал в Италии и попал в число опальных. И наконец, самым болезненным и тонко рассчитанным ударом явилось то, что сына Андрея не отпускали к родителям.

Куда только не обращался с ходатай-

ством отец, какие пороги не обивал! Он писал и в консульский отдел Посольства СССР в Италии, и заведующему отделом культуры ЦК КПСС, и нашим послам в Швеции и во Франции. Увы, чаще всего чиновный люд безмолвствовал. Тарковским было отказано даже в разрешении высылать деньги на содержание семьи, оставшейся в Советском Союзе. И опять помогли друзья.

«Помогите! Дайте мне возможность отдохнуть от этого беспримерного преследования! — взывал он в письме от 6 февраля 1984 г. к Генеральному секретарю ЦК КПСС Ю. В. Андропову. — Прошу Вас, Юрий Владимирович! Спасите меня! Распорядитесь, пожалуйста, чтобы моему 13-летнему сыну и моей теще были выданы заграничные паспорта сроком на три года...»

22 февраля 1984 года Тарковский направляет еще одно письмо — на этот раз К. У. Черненко.

Можно предположить, что все эти послания никогда не доходили до высоких адресатов и оседали в ящиках столов бюрократической опичины.

Борьба за сына продолжалась. В Италии, Франции, Великобритании были созданы комитеты поддержки. На все их запросы ответ был один — «это внутреннее дело СССР». И каждый раз, когда родители звонили в Москву, их сын плакал по телефону.

Тогда Тарковским посоветовали отказаться от советского гражданства, сдать советские паспорта, что могло бы облегчить им борьбу за возвращение сына. В Милане Тарковские устроили пресс-конференцию, в которой участвовали М. Ростропович, Ю. Любимов, В. Максимов.

— Пойти на этот шаг было чрезвычайно трудно, — говорит Л. Тарковская. — Доведенные до крайнего отчаяния, мы сжигали все мосты. Перед пресс-конференцией не спали всю ночь и, уже входя в зал, продолжали сомневаться в том, правильно ли мы поступаем.

После этого американцы предложили Тарковским переехать на постоянное жительство в Соединенные Штаты. Посол США сказал, что в таком случае Андрей будет принадлежать американской культуре. На это предложение режиссер ответил: «Никогда! Я только русский режиссер и никогда не буду принадлежать никакой другой культуре».

Вскоре вместо советских паспортов Тарковские получили т. н. «нансеновские» и стали апатридами — людьми, не имеющими родины.

ОБРЕЛ ли Тарковский свободу творчества на Западе? Получил ли он полную возможность для самовыражения? В какой-то степени — да, но лишь в определенных рамках. «Я очень мало представляю себе, о чем идет речь, когда художники говорят об абсолютной свободе творчества, — писал он. — Я не понимаю, что значит такая свобода — напротив, мне кажется, что, ступив на путь творчества, ты оказываешься в цепях бесконечной необходимости, скованной своими собственными задачами, своей художественной судьбой... И чем дольше я живу на Западе, тем более странной и двусмысленной вещью видится мне свобода... В борьбе за политические свободы, несомненно, очень важные, современные люди забыли о той свободе, которой располагали люди во все времена: а именно, о свободе отдать себя в жертву во имя другого».

— Андрей был верующим человеком, читал и перечитывал Библию, — говорит Л. Тарковская. — Не могу сказать, что он верил как-то ортодоксально, скорее — в некую высшую силу. Вера в Бога была для него духовным началом, он не мог допустить, что существует только материальная жизнь.

Человеком он был эмоциональным, очень любил жизнь, редко впадал в депрессию, несмотря на все неприятности. Много отдавал друзьям, окружающим его людям, всегда охотно делился планами, рассказывал о своих замыслах. Вместе с тем Андрей был необычайно домашним человеком. Любил семью, был к ней привязан, умел быть другом. Дом для него очень много значил, и, в частности, тот деревен-

ский, что мы купили в апреле 1970 г. под Рязанью. «Теперь мне ничего не страшно, — писал после покупки в дневнике Тарковский. — Не будут давать работы, буду сидеть в деревне, разводить поросат, гусей, следить за огородом и плевать я на них хотел. Постепенно приведем дом и участок в порядок и будет замечательный деревенский дом, каменный, люди вокруг будто бы хорошие». Не успел.

На Западе ему предоставила кров флоренция, которая избрала режиссера почетным жителем и подарила ему дом.

Страшная болезнь пришла неожиданно. Тарковского стал лечить один из лучших западных врачей-онкологов Леон Шварценберг. Но средств на лечение не было, медицинской страховки тоже, а пребывание в клиниках стоило огромных денег. Часть счетов оплатило французское правительство. Остальные — общественный комитет по оказанию помощи Тарковскому. На призыв комитета откликнулись многие — актеры Максимилиан Шелл, Марина Влади, Ханна Шигула, М. Ростропович, А. Михалков-Кончаловский, М. Шостакович, В. Максимов, режиссер Маргарет фон Тротта и продюсер Анатолий Доман, в квартире которого после смерти Тарковского его семья жила несколько лет. До тех пор, пока президент Ф. Миттеран и премьер-министр и мэр Парижа Ж. Ширак не подарили семье две квартиры. Кажется, впервые в истории за такой короткий срок — всего неделю — власти выдали французские паспорта его семье.

Ну, а как поступили на родине режиссера, узнав о его болезни? Перевели на лечение какую-то сумму? Поинтересовались здоровьем? Или хотя бы оказывали моральную поддержку? «Мы не получили ни одного письма, ни одной телеграммы, — говорит Л. Тарковская, — не было и телефонных звонков. Андрея словно уже не существовало» Каждый год в Париже бываю десятки наших режиссеров и актеров, но никто из них не навещал смертельно больного Тарковского. Говорят, на то был приказ высокого начальства, и никто не осмелился ослушаться.

— Леон Шварценберг однажды рассказывал нам, — говорит Л. Тарковская, — что Марина Влади только что вернулась из Москвы, где широко идут фильмы Андрея. «Ларочка, видно, плохи мои дела, — сказал он, — началась моя канонизация. Вслышали, что я умираю, вот и фильмы выпускают».

Президент Ф. Миттеран, которому Л. Шварценберг рассказал о смертельном недуге Тарковского, направил телеграмму

М. С. Горбачеву с просьбой разрешить выезд его сыну и матери Ларисе. Через несколько дней они прилетели в Париж.

Режиссер записал в дневнике: «Теперь, Андрей, борись! Теперь надо жить!» Его связывало с сыном сильное духовное начало. Он постоянно думал о нем и писал о нем почти на каждой странице дневника.

АНДРЕЙ Тарковский продолжал бороться, понимая, что дни его сочтены. 5 ноября 1986 года он написал: «...я прошу ее (Ларису) похоронить меня в Париже, на русском кладбище. Ни живым, ни мертвым я не хочу возвращаться в страну, которая причинила мне и моим близким столько боли, страданий, унижений. Я — русский человек, но советским себя не считаю. Надеюсь, что моя жена и сын не нарушат моей воли, несмотря на все трудности, которые их ожидают в связи с моим решением». Сегодня могила великого мастера — место паломничества наших соотечественников, как эмигрантов, так и тех, кто приезжает из Советского Союза.

Лариса Тарковская располагает огромным архивом своего мужа: дневники, письма, рукописи сценариев, рисунки, стихи, фотографии, сотни метров кино- и магнитофонной пленки с его выступлениями, интервью. Часть материалов хранится в Москве у бывшего ассистента Тарковского Марии Чугуновой.

Л. Тарковская сказала мне, что при поддержке французских властей создан международный институт А. Тарковского, который, по всей видимости, будет располагаться в одном из парижских пригородов. Западногерманское издательство «Ульштайн» выпустило книгу «Мартиролог», в которую вошла часть дневников Тарковского. На многих языках вышел его теоретический труд «Запечатленное время». Л. Тарковская готовит вторую книгу.

Творческое наследие Тарковского представляет огромный интерес. Наше общее дело — изучить и исследовать его со всей тщательностью, издать труды режиссера и у нас, и на Западе.

Настоящее, необходимо объединить усилия и создать международную комиссию по творческому наследию, которую, как мне представляется, должна возглавить Лариса Тарковская. Именно ей по завещанию мужа принадлежат все права на это наследие.

Юрий КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известий».

Париж.

Фото Игоря Бортникова.

62